
Психология в оптиках философского анализа

Ж. К. ЗАГИДУЛЛИН

Статья посвящена критическому исследованию различных вариантов философского анализа психологии в XX в. Сформулированы концептуальные трудности такого анализа. Зафиксировано отсутствие в философии попыток рассмотреть психологию как науку (с точки зрения процессов производства научных знаний). В статье предложена программа эпистемологического анализа психологии как науки в свете теории социальных эстафет М.А. Розова. Особое внимание уделено вопросу о том, как психология решала проблему создания референтов психологических знаний, что стало решающим фактором превращения ее в полноценную научную дисциплину.

The paper is devoted to critical research of various versions of the philosophical analysis of psychology in the XX century. Developed a conceptual difficulty of such analysis. Recorded in the absence of philosophy attempts to consider psychology as a science (in terms of the production of scientific knowledge). The paper proposes the program of the epistemological analysis of psychology as sciences in the light of social relay theory of Mikhail Rozov. The special attention is given to the issue of how psychology solved the problem of creating referents of psychological knowledge that became a determinant of her transformation into scientific discipline.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: психология, философский анализ, эпистемология, теория социальных эстафет, знание, референт знаний.

KEY WORDS: psychology, philosophical analysis, epistemology, social relays theory, knowledge, referent of knowledge.

Взаимоотношения психологии и философии были и остаются непростыми. Пожалуй, трудно найти более богатую палитру отношений между философией и отпочковавшейся от нее научной дисциплиной – от надежд философов Просвещения на то, что психология станет эмпирической практикой проверки философских идей [Кассирер 2004, 112–113] до создания в начале XX в. “профсоюза чистых философов”, выступивших против присутствия психологов в немецких университетах [Куш 2002, 116]; от отрицания необходимости такой дисциплины в общей классификации наук [Конт 1925, 492] до тезиса о том, что сама философия (в лице эпистемологии) есть лишь раздел психологии [Куайн 2008, 534].

В чем же причина такого разнообразия? Вероятно, проблематика, исторически отнесенная по “ведомству” этой дисциплины, настолько важна, что отдать ее на откуп ученым-психологам философия не могла себе позволить. Философы неоднократно пытались спроектировать психологию по-своему. Одна из последних крупных попыток пришлось на конец XIX – начало XX в. Тогда появилось множество философских проектов психологии: и “эмпирическая психология” Ф. Brentano, и “описательная психология” В. Дильтея, и “феноменологическая психология” Э. Гуссерля, и “интенциональная психология” А. Мейнонга, и “философские психологии” Т. Липпса и С. Франка. Тем временем научная психология, созданная по образцу естественных наук и отсчитывающая свою историю со времени создания В. Вундтом психологической лаборатории в Лейпциге в 1879 г., бурно развивалась и процветает по сей день. Сегодня психологи отмечают институциональный расцвет своей дисциплины: “из узкокорпоративной сферы деятельности психология превратилась в массовую профессию” [Барабанщиков 2006, 21] и стала “единой индустрией” [Леонтьев 2007, 76].

Осознание необратимости превращения психологии в самостоятельную науку подвигло философов начать анализ того, что же представляет молодая энергичная дисциплина. На этом пути философия столкнулась с трудностями выбора философских оптик. Цель настоящей статьи – проанализировать ключевые попытки осмысления психологии, которые можно разделить на четыре группы – проектную, социологическую, категориальную и прагматическую, и предложить взгляд на нее с точки зрения процесса производства знания.

Психология как проект

Один из наиболее прозрачных вариантов рассмотрения психологии привнесли историки философии – анализ психологии как проекта, как замысла по созданию научной или философской дисциплины. Обычно такой замысел оформлен в виде отдельного трактата, который исследуется на предмет анализа стартовых гипотез, проблемного поля, проектных установок и предлагаемых автором решений.

Ярким примером такого анализа является недавняя работа В. Васильева. Он проанализировал “проекты создания философской психологии как науки о первоначалах душевной жизни” философами Просвещения: Х. Вольфа, Д. Юма, И. Тетенса и И. Канта, постаравшись выделить “облик философского учения о душе”, что, по его мнению, “являет собой главное достижение психологии XVIII века” [Васильев 2010, 498]. Реконструируя контекст размышлений этих философов, Васильев показывает варианты их ответов на судьбоносные для психологии вопросы: способы категоризации “души” и “психики”, границы рационального рассмотрения психических явлений и т.п.

Специфика проектного анализа состоит в том, что, рассматривая замысел создания дисциплины, историки философии не берутся судить о том, что же имеет место в реализации проекта. Иногда такая установка доходит до курьезов, как в случае с философской антропологией А. Колыванова (под этим именем, вероятно, скрывался А. Вяземский, написавший трактат “Наблюдения о человеческом духе и его отношении к миру” в 1790 г.) – философ, чья рукопись была утеряна и вновь найдена лишь в 2002 г. Несмотря на это, Васильев рассматривает проект Колыванова наравне с проектами Тетенса и Вольфа [Васильев 2010, 462–490]. Понятно, что невозможно анализировать производство знаний в несозданной дисциплине.

Другая трудность проектного анализа коренится в понятийной базе. Как известно, философия еще не завершила рефлексию становления научных дисциплин XVII–XX вв., в том числе и опыта создания наук на основе проекта [Стёпин, Розов, Горохов 1995; Огурцов 2011]. Поэтому понятие “проект научной дисциплины” метафорично, что ведет к тому, что историки в отсутствии модели науки исследуют только взгляды отдельных мыслителей, а заявленная задача анализа “психологии как проекта” так и остается не решенной.

Противоположный указанному выше способ анализа психологии развит в социологии науки: рассмотрение ее сквозь призму социальных процессов. Его специфика состоит в том, что исследуются реальные и объективно зафиксированные факты создания и развития научной дисциплины. Такой подход представлен в работе классиков социологии Р. Коллинза и Дж. Бен-Дэвида [Бен-Дэвид, Коллинз (1966) 2002], проанализировавших становление научной психологии в Германии, Франции, Англии и США с 1850 г. по 1950 г. Для этого ими использовалась статистика публикаций, сведения о социальных и институциональных формах существования психологии (появление кафедр, должностей, специализированных журналов), данные интеллектуальных сетей – цепочек преемственности новой дисциплины (предшественники–основатели–последователи). Анализ этого обширного эмпирического материала приводит их к мысли, что “новая научная идентичность может не только предшествовать, но и обуславливать рост научной производительности. По крайней мере, социальные факторы сыграли – независимо от фактора самих знаний – важную роль в развитии новой психологии” [Бен-Дэвид, Коллинз 2002, 84]. Ведущим механизмом этого развития они считают “гибридизацию ролей” – роль профессора психологии есть результат борьбы за социальный статус и престиж между философами и физиологами.

Схожий взгляд на психологию развивает известный философ, работавший в 1990-х годах с лидером социологии науки Д. Блуром в Эдинбургском университете, М. Куш. Он рассматривает совокупность психологических знаний как социальные институты, “имеющие совершенно такую же форму существования, как и супружество, деньги или монархия” [Куш 1999, 1]. По его мнению, общество воспринимает психологические знания как реальные и концентрирует вокруг них ресурсы, за обладание которыми ведут борьбу психологи. Куш считает, что социальный фактор формирует приверженность психологов тем или иным теориям. “Один психолог может предпочесть теорию своих конкурентов только потому, что она позволит ему улучшить свое социальное положение в профессии, в исследовательской организации или в учебном заведении” [Куш 1999, 3].

Преимущество социологического взгляда перед проектным анализом, состоящее в том, что рассматривается реальная история психологии, обесценивается тем, что анализ психологии полностью сводится к борьбе за социальные ресурсы. Такому взгляду дал жесткую оценку классик философии науки И. Лакатос: «Работа тех “экстерналистов” (большой частью “социологов науки”), которые претендуют на создание социальной истории той или иной научной дисциплины, не овладев самой этой дисциплиной и ее внутренней историей, не стоит ломаного гроша» [Лакатос 2003, 296].

Категориальный анализ психологии

Стремление следовать совету Лакатоса можно заметить в третьем направлении – в категориальном анализе. Суть его в том, что выделяются наиболее общие категориальные характеристики предмета психологии или мышления психологов с целью сравнения их с другими науками и философскими дисциплинами.

Имеется довольно давняя философская традиция разграничения предметов логики, эпистемологии и психологии [Штумпф 2005; Введенский 1892; Челпанов 1999; Наторп 2006; Гемпель 1949; Голдман 1985]. В ней конструируется представление о специфике мышления, предмете познания этих философских дисциплин, а в качестве средства оттенить эту специфику используется психология. Типичным являются рассуждения представителя социальной эпистемологии, американского философа Элвина Голдмана. Он считает, что “дедуктивная логика/формальная логика – это совокупность необходимых истин. Статус этих истин не зависит от человеческой психологии. Следовательно, психологизм в логике нивелирован. И наша задача: доказать, что эпистемические правила также могут

быть выведены исключительно из логики, без какой-либо апелляции к фактам человеческой психологии” [Голдман 1985, 41].

Другая развитая традиция в этой группе анализа занимается уточнением специфики разных типов наук – объяснительных и описательных, наук о духе и наук о природе. В ней решается вопрос о месте психологии в среде других социально-гуманитарных дисциплин [Дильтей 1924; Риккерт 1913; Левин 2001]. Современную версию таких рассуждений можно найти у известного российского философа Л. Микешины. Она фокусируется на особенностях дисциплинарного существования психологии и выделяет следующие ее характеристики: развивается в тесной связи с философией; существует на стыке естественно-научных и гуманитарных дисциплин; в своем развитии не раз сменила предмет и метод, а проблему своего единства решает за счет «интеграции “под зонтиком” психологии множества конкретных отраслей и психологических дисциплин»; характерно, что наряду с академической психологией существует “относительно автономная прикладная психология или психологическая практика”, занимающиеся “коррекцией” сознания человека [Микешина 2007, 583–593].

Эти характеристики во многом бесспорны, но что нам дает такая диагностика (“дисциплинарная феноменология”)? Ведь подобные рассуждения с равным успехом можно отнести к большинству социально-гуманитарных наук, так как это их родовые особенности. И даже наличие целевой установки на “коррекцию” человека не является чем-то присущим только психологии. Кроме того, современное дисциплинарное состояние классических естественно-научных дисциплин (физики, химии, биологии) давно уже квалифицируется как “зонтичное”, что еще больше размывает определённость этой диагностики.

К этой группе следует отнести и другие, менее “дружественные” попытки анализа, а точнее, переустройства психологии. Речь идет об исследованиях научной психологии, проведенных в русле системно-мыследеятельностной методологии известным российским методологом Г. Щедровицким [Щедровицкий 2007]. Его анализ сосредоточен на критике средств и понятий, в которых психологи рефлектируют свое состояние. В частности, Щедровицкий считал, что понятия “предмет и метод” устарели и не подходят для понимания психологии. По его мнению, “психология – это не наука, но нечто значительно большее: это и некоторое видение мира, т.е. это и весь мир, взятый в определенном повороте, ракурсе” [Щедровицкий (1981) 2007, 141]. Из этого он делает вывод, что психологию следует представлять на основе особых категорий как сложную “сферу мыследеятельности”.

Уровень абстрактности представлений о “сфере мыследеятельности” таков, что при рассмотрении сквозь предложенную Щедровицким “призму” специфика психологии просто исчезает и ее трудно отличить от инженерии или практики социокультурного проектирования. Не случайно предложенный им ход по “перестройке” психологии так и не был реализован – сохранился только тезис о негодности традиционных средств рефлексии психологов.

Таким образом, описанные способы рассмотрения психологии показывают, что недостатки категориального анализа являются продолжением его достоинств: использование слишком общих понятий дает такой же обобщенный, абстрактный взгляд на психологию.

Прагматический анализ психологии

Уход от абстрактности и проявление интереса непосредственно к содержанию психологических концепций объединяет философскую аналитику в четвертую (пожалуй, наиболее неоднородную) группу прагматического анализа. Эта группа философов считает, что психология и философия полезны друг другу. Явно такое отношение сформулировал знаменитый швейцарский психолог и основатель генетической эпистемологии Ж. Пиаже [Пиаже 1969]. По его мнению, логика и эпистемология, разрабатывая представления о составе и специфике логических операций правильного мышления, создают теоретическую базу для порождения гипотез об интеллектуальных операциях в онтогенезе. Именно такое

употребление логики и сделало знаменитым Пиаже в психологии, когда он сформулировал свою “операциональную теорию стадий развития интеллекта ребенка” [Пиаже 1969]. Кроме того, Пиаже ратовал за возрождение идеи философов Просвещения о том, что психология могла бы стать научной практикой, способной “верифицировать вопросы, поднимаемые эпистемологическими теориями” [Пиаже 1993, 58].

Другой пример прагматического отношения можно найти в работах известного российского философа В. Лекторского, который выделяет две группы концепций, обогативших философию: психоанализ З. Фрейда и экологическая теория зрительного восприятия Дж. Гибсона [Лекторский 2001].

Между тем нередко радикальные утверждения (контрастирующие со взглядами Пиаже и Лекторского) о том, что психология целиком и полностью выстроена как реализация философских идей. Этот взгляд получил обоснование в работах профессора философии Оксфордского университета Д. Робинсона, который на обширном историко-философском материале показал, как смена философских концепций предопределяла состояние и содержание психологической науки [Робинсон 2005]. Он даже сформулировал кредо такого отношения: психология «является “примечанием” к современной интеллектуальной истории философии» [Робинсон 2005, 412].

Этот далеко не полный список работ философов из четвертой группы показывает, что перенос содержательных фрагментов философских концепций, отдельных понятий и техник всегда имел место в истории психологии. Это и понятно, она долгое время развивалась как философская дисциплина и по праву родства пользуется философским наследием. По той же причине философия не гнушается использовать результаты работы психологов.

Прагматический анализ привнес в философию установку на то, что именно содержание концепций психологов достойно философского анализа. Но за интересом к содержанию психологии задача анализа ее как науки отошла на задний план, и потому прагматический анализ не сообщает нам, что же произошло с научной психологией после ее отделения от философии.

Эпистемологический взгляд на психологию

Из проделанного анализа можно сделать вывод: современная философия часто и разнообразно анализировала психологию, однако не с точки зрения процесса производства знаний. Попытаемся же вопреки сложившемуся стереотипу представить психологию как науку, как “эпистемическое предприятие” по производству научных знаний. Для этого воспользуемся теорией социальных эстафет известного философа М. Розова и моделью науки, разработанной на базе этой теории [Розов 2008].

По мнению Розова, наука является социальным куматоидом (от греческого слова kuma – волна), реализующим различные социальные программы на постоянно сменяемом человеческом материале. В ядре так понятой науки лежит осуществление двух ключевых типов программ – исследовательских (получение знаний) и коллекторских (систематизация знаний). “Науку можно рассматривать как механизм централизованной социальной памяти, которая аккумулирует практический и теоретический опыт человечества и делает его всеобщим достоянием” [Розов 2008, 90]. Предлагается исследовать науку сквозь призму категории социальной памяти, где системообразующим для науки является процесс воспроизводство непосредственных и вербализованных образцов поведения и деятельности ученых. Знание, по Розову, есть вербализация содержания этих образцов. Важной спецификой науки, по мнению Розова, является то, что ее следует рассматривать как систему с рефлексией: фиксируя результаты исследований, ученый одновременно строит описание своих действий [Розов 2008, 153]. Это задает требования к философскому анализу, в частности установку на построение отличной от рефлексии ученого философской картины жизни науки.

Использование теории социальных эстафет Розова позволяет нам сформулировать программу эпистемологического анализа психологии как науки, которая предполагает решение следующих вопросов:

- строение и специфика научных знаний в психологии (эстафеты референции и репрезентации);
- строение и специфика психологических теорий (теоретические и практические конструкции, типы научных теорий);
- особенности наукообразующих программ (исследовательских и коллекторских), а также практики систематизации и обеспечения когерентности научных знаний в психологии;
- дисциплинарный облик современной психологии (дисциплинарные комплексы);
- роль внутринаучной рефлексии ученых в развитии психологии.

Понятно, что результаты такого комплексного анализа сложно изложить в одной статье, и поэтому мы ограничимся частной подзадачей, но имеющей принципиальное значение для понимания психологии – рассмотрим, как в психологии решалась проблема референции научных знаний.

Проблема референции научных знаний в психологии

Согласно Розову, элементарное научное знание может быть представлено как эстафетная структура, объединяющая *референцию* знания (представление объекта в знании) и *репрезентацию* (содержание знания в форме целостного акта деятельности с объектом) [Розов 1995, 148]. Сосредоточимся на референции¹.

Любое научное знание предполагает свой объект (“то, о чем оно”). Проблема состоит в том, чтобы найти способ представить объект для изучения, отличить его от других объектов, а также сделать доступным для исследовательских процедур (измерение, анализ, эксперимент), т.е. найти подходящий *референт*.

Как же это сделать? Например, найти эталонный эмпирический экземпляр объекта изучения и “законсервировать” его для дальнейшего использования. Скажем, биология, химия или геология часто так и поступают, создавая целые музеи и коллекции своих морфологических референтов (образцы горных пород и биологических материалов, наборы выделенных химических веществ).

Что же делать тем наукам, у кого объект не вмещается в музей (астрономии, географии или квантовой физике)? Для них приобретает особую значимость форма представления объекта, поиск подходящего функционального референта в виде знаково-семиотического заменителя объекта изучения: различные изображения галактик и звезд, глобус или географические карты, следы на фотопластинке.

С этой точки зрения психология долгое время была проблемной дисциплиной: в ней отсутствовали морфологические способы представления исследуемых объектов. Как об этом писал известный англо-американский психолог (и ученик Вундта) Э. Титченер, “в то время как новооткрытое насекомое или редкий минерал возможно уложить в коробку и переслать от одного наблюдателя к другому в отдалённую страну, – психолог никогда не может подобным образом предоставить свое сознание на рассмотрение другого психолога” [Титченер 1898, 28]. Психологические знания тогда не имели референта, что порождало обоснованные сомнения в том, являются ли они вообще научными.

Эпистемологическая революция, произошедшая в конце XIX в. и сделавшая психологию самостоятельной наукой, состояла в том, что Вундт и его ученики смогли сконструировать и ввести в научный оборот специфические функциональные референты психологических знаний. Традиционно Вундту приписывают честь внедрения в психологию экспериментального метода, соединившего психофизиологический эксперимент и интроспекцию. Но самое важное нововведение было сделано в практической организации эксперимента. Вундт установил жесткое правило: каждый испытуемый в эксперименте должен пройти длительную подготовку по освоению метода “организованной интроспек-

ции”. По сведениям авторитетного американского историка психологии (и ученика Титченера) Э. Боринга, “Вундт указывал, что ни один испытуемый, который выполнил менее 10 000 интроспективно проконтролированных реакций, не подходит как источник сведений для публикации из его лаборатории” [Боринг 1992, 25]. Испытуемые должны были освоить язык и технику описания своих реакций в ходе эксперимента.

Каждый экспериментальный стимул вызывал сложную сенсорную реакцию испытуемого, поэлементный состав которой был задан Вундтом нормативно. Список этих элементов был определен систематикой психических феноменов, разработанной Вундтом [Вундт 1896; Вундт 2010]. Испытуемые “узнавали” в себе только определенные реакции (состоящие из “элементов сознания”) и описывали их вундтовскими шаблонными фразами. Для унификации “узнавания” Вундт настаивал на том, чтобы испытуемый и экспериментатор регулярно менялись местами. Он кодифицировал описания психических феноменов и организовал использование испытуемыми и экспериментаторами этих шаблонных текстов-описаний, которые, по сути, и были функциональными *референтами-заменителями* психических феноменов. Варьируя и усложняя экспериментальные стимулы, Вундт изучал законы соединения элементов реакций испытуемого. Так были сформулированы 4 закона сознательной жизни: закон творческого синтеза, гетерогонии целей, психических отношений и закон контраста [Вундт 1896]

Конструктор, на базе которого создавался этот набор референтов, Вундт позаимствовал из физиологии органов чувств (не случайно он в самом начале своего пути называл развиваемую им психологию “физиологической”). Вся совокупность элементарных сенсорных ощущений (общим числом, по скрупулезным подсчетам Титченера, 42 415 элементов) была привязана к строению и особенностям функционирования органов чувств человека и служила источником, “откуда черпается всё содержание души нормального человека” [Титченер 1898, 52–53].

Таким образом, Вундт, создав функциональные референты, сделал возможным систематическое производство научных знаний и запустил творческую активность психологов по поиску и конструированию новых референтов для психологических знаний. Найденный же Вундтом способ задания референтов был потом использован при построении различных типологий личности. Например, известный немецкий психиатр из Вюрцбурга К. Леонгард составил в 1970-х годах типологию “акцентуированных личностей” и для их представления предложил использовать классические литературные произведения (кодифицированные самой культурой): Толстого, Достоевского, Гоголя, Шекспира, Сервантеса, Бальзака, Гёте, Стендаля [Леонгард 1997, 252–529]. Литературные описания выступили в роли функциональных референтов-заменителей изучаемых Леонгардом акцентуированных личностей, т.е. по выполняемой эпистемической задаче были аналогичны описаниям элементов сознания Вундта. С этой точки зрения становится понятна важнейшая роль художественной литературы как неисчерпаемого источника разнообразных референтов психологических знаний.

Однако психологи все время стремились выйти за пределы литературы (нарратива). Так, бихевиористы и необихевиористы нашли своеобразный морфологический референт человеческого поведения в виде экспериментального ящика-лабиринта (“проблемный ящик Торндайка”) и помещенного в него животного (крыса, голубь, дождевые черви, кошка, собака, обезьяна). Как об этом писал создатель “когнитивного” направления необихевиоризма Э. Толмен, “все самое важное в психологии... может быть установлено в ходе экспериментального и теоретического анализа детерминант поведения крысы в лабиринте” [Толмен 1938, 34].

Понятно, что у морфологических референтов в психологии имелся один большой недостаток: они подходили для представления исключительно простейших форм человеческого поведения (двигательных навыков, элементарных реакций на внешние воздействия). Стремление же представить сложные психические феномены неизбежно наталкивалось на конструктивные ограничения морфологических референтов. Например, провал попыток основателя бихевиоризма Дж. Уотсона представить мышление через совокупность скрытых микродвижений рук и гортани человека при построении речевых высказываний

[Уотсон (1930) 1992, 106] показал всю проблематичность поисков морфологических референтов. Однако современные наследники бихевиоризма – когнитивные психологи – не оставляют надежд на создание морфологических референтов для сложных психических феноменов (познавательных процессов), что проявляется в использовании в этой роли компьютеров и человеко-машинных комплексов [Величковский 2006].

Серьезную помощь научной психологии оказали психиатрия и психоанализ. В своей развитой форме психоанализ разработал ряд функциональных референтов для такого сложного объекта изучения психологии как “больная личность”. Ими стали классические случаи лечения, введённые в научный оборот Фрейдом и его коллегами (психиатрами, психотерапевтами). Случаи-референты включали в себя описание симптомов, биографические данные о жизни пациентов, историю болезни и результаты лечения. Хорошо известные случаи “Анны О.”, “человека с волками”, “маленького Ганса” [Фрейд 2007], а в экзистенциальной психотерапии – случай “Эллен Вест” [Бинсвангер (1944) 2001; Фридман 1964]. Эпистемологическая функция этих случаев-референтов – вовсе не в том, чтобы демонстрировать эффективность лечения. Они нужны, для того чтобы представить в отчужденной и стандартной форме изучаемый психический феномен, сохранив его качественную сложность, а также возможность строить различные теории и объяснения. Для нашего анализа очень интересен “случай Эллен Вест” из экзистенциальной психологии: описание истории болезни и хода неудачного лечения в начале XX в. 30-летней девушки Эллен Вест. Она страдала, как мы сейчас сказали бы, “расстройством пищевого поведения”. Эллен была пациенткой двух очень известных психиатров – Э. Крепелина (ученик Вундта и автор до сих пор используемой классификации психических заболеваний) и Э. Блейлера (ввел понятие шизофрении и описал ее виды). Они диагностировали у нее меланхолию и шизофрению соответственно, но вопреки проводимому ими лечению Эллен покончила жизнь самоубийством в 1918 г. Сам же случай был воссоздан в 1944 г. основоположником экзистенциальной психологии Л. Бинсвангером [Бинсвангер (1944) 2001] по материалам, обнаруженным в архивах возглавляемой им психиатрической больницы в Швейцарии.

Бинсвангер вместе с подробным описанием “случая Эллен Вест” дал свою версию причин ее заболевания. Спустя много лет два других лидера экзистенциального движения в психологии – К. Роджерс [Роджерс 1961] и Р. Мэй [Мэй 1983] – построили альтернативные версии случившегося. “Случай Эллен Вест” позволил построить четыре (!) полноценные версии объяснения произошедшего (Э. Крепелина/Э. Блейлера; Л. Бинсвангера; Р. Мэя; К. Роджерса), тем самым, прекрасно выполнив роль функционального референта.

Классические случаи-референты (“возраст” некоторых из них более 70–100 лет) до сих пор являясь обязательным элементом подготовки клинических психологов, психиатров и психотерапевтов: углубленное знакомство с ними позволяет освоить навык выделения тех аспектов, которые психологическая наука и практика считает важным в изучаемом объекте. Случаи-референты давно вышли за пределы психиатрии и представляют различные психологические феномены нормальных или избирательно гениальных людей [Лурия 1979; Роллс 2010].

Описанные выше функциональные и морфологические референты психологических знаний очевидным образом не могли удовлетворить возрастающие запросы научной психологии. Поиски новых референтов ни на минуту не прекращались. Фрейд, создавая психоанализ как науку (пусть и прикладного характера [Пружинин 2009, 239–255]), обеспечил ее разнообразными референтами. Помимо классических случаев он использовал в качестве важнейшего референта изучаемых психоанализом явлений запись сновидений человека [Фрейд (1899) 2005]. Ведь сновидения удобнее вундтовских референтов: не надо специально готовить испытуемых и предлагать им заучивать тексты-описания.

Фрейд считал, что “толкование сновидений есть Царская дорога к познанию бессознательного в душевной жизни” [Фрейд 2005, 277]. Сны неповторимы, но их видит каждый человек и может представить в отчужденной письменной форме. Запись сновидения была номинирована на роль референта бессознательных процессов. Однако сама по себе запись мало что значила. Референт появлялся в процессе процедурно организованного толкова-

ния сновидения. Фрейд продемонстрировал это на культурных образцах, анализируя широко известные сновидения Леонардо да Винчи и Ф. Достоевского [Фрейд 2006; Фрейд 2009]. Позднее техника толкования сновидений была описана методически и вошла в обязательный арсенал любого психоаналитика [Томэ, Кёхеле 1996; Гринсон 2003].

Фрейд создал третий тип референтов психологических знаний – методические. Их специфика состоит в том, что они представляют объект изучения не через его материал (морфологию) и не через функциональный заменитель (знаково-семиотическую конструкцию), а посредством стандартизированной процедуры (методики) получения искомого представления объекта. Психоаналитики изучают и объясняют то, что получается в процессе применения методики толкования сновидений. При этом заранее сказать, что именно будет получено, нельзя, наперёд известна только методика толкования снов.

Принципиальное отличие методического референта от морфологического и функционального состоит в том, что он не находится в отношениях подобия или изоморфности с представляемым объектом. Другой вопрос, что задача обеспечения адекватности методики, конечно же, имеет значение, а это достигается за счет ее стандартизации и статистической выверки. Только после “подгонки” она объявляется методическим референтом и начинает использоваться массово.

Методические референты получили самое широкое использование в психологических исследованиях, построенных с применением психодиагностических тестов [Анастаси, Урбина 2007; Бодалев, Столин, Аванесов 2000]. Если первоначально психологические тесты создавались исходя из определённых представлений об интеллекте, личности, способностях (тесты Стенфорд-Бине; шкалы интеллекта Кетелла), то сегодня все перевернулось. Как саркастически заметил Боринг, “интеллектом называется то, что измеряют тесты” [цит. по: Смит 2008, 154]. Тесты стали неизменным элементом многих экспериментальных исследований в психологии [Барабанщиков 2011], именно они позволили зафиксировать и представить для изучения многие объекты психологии (личность, интеллект, умственный возраст).

Стандартная схема такого исследования состоит в том, что в начале “формируется” референт изучаемого объекта за счет тестирования будущих испытуемых. Потом организуется с ними эксперимент. А в заключении испытуемые опять же обследуются теми же тестами. За счет последнего шага психолог фиксирует изменения в объекте изучения под воздействием эксперимента. Использование одного и того же набора тестов гарантирует ученому постоянство объекта изучения: знания получены с одним и тем же референтом, что делает их корректными. По оценке американских исследователей, такая схема стала использоваться в трети всех проводимых исследований в зарубежной психологии [Кох, Лири 1992, 951–968].

Подобные референты в психологии были созданы на основе методики регистрации движения глаз человека при выполнении различных заданий (“айтрекинг”) [Гиппенрейтер 1978; Барабанщиков 2006], а также на базе использования семантического дифференциала при построении психосемантических полей сознания [Петренко 1997]. Новый тип референтов (методический) открыл широчайшие возможности для научной психологии.

Заключение

Психология в XX в. последовательно решала проблему референции своих знаний, результатом стало появление трех типов референтов: *морфологические, функциональные и методические*. Это явилось решающим обстоятельством появления подлинно научных знаний и превращения психологии в самостоятельную дисциплину. Совокупность референтов психологии во многом определяет эпистемологический облик и специфику этой науки, особенности строения научных знаний с точки зрения социальных эстафет.

Естественно, разбор проблем референции недостаточен для завершения анализа психологии как науки. Это только первый этап реализации описанной выше программы.

Важно подчеркнуть, оптика социальных эстафет позволяет философии сохранить собственную действительность размышлений и избежать описанных выше трудностей анализа. Получаемая картина жизни научных знаний, вероятно, будет эвристична для понимания и других социально-гуманитарных дисциплин.

ЛИТЕРАТУРА

- Анастаси, Урбина 2007 – Анастаси А., Урбина С. Психологическое тестирование. СПб., 2007.
- Барабанщиков 2006 – Барабанщиков В.А. Психологическая наука на изломе времен // Журавлев А.Л. (ред.) История отечественной и мировой психологической мысли. М., 2006.
- Барабанщиков 2011 – Барабанщиков В.А. Современная экспериментальная психология: в 2 т. М., 2011.
- Бен-Дэвид, Коллинз (1966) 2002 – Бен-Дэвид Дж., Коллинз Р. Социальные факторы при возникновении новой науки: случай психологии // Логос. 2002. № 5–6.
- Бинсвангер (1944) 2001 – Бинсвангер Л. Случай Эллен Вест. Антрополого-клиническое исследование // Мэй Р. (ред.) Экзистенциальная психология. Экзистенция. М., 2001.
- Бодалев, Столин, Аванесов 2000 – Бодалев А.А., Столин В.В., Аванесов В.С. Общая психодиагностика. СПб., 2000.
- Боринг (1953) 1992 – Боринг Е.Г. История интроспекции // Гальперин П.Я. (ред.) История психологии. Период открытого кризиса (начало 10-х – середина 30-х годов XX века). М., 1992.
- Васильев 2010 – Васильев В.В. Философская психология в эпоху Просвещения. М., 2010.
- Введенский 1892 – Введенский А.И. О пределах и признаках одушевления. СПб., 1892.
- Величковский 2006 – Величковский Б.М. Когнитивная наука: Основы психологии познания: в 2 т. М., 2006.
- Вундт 2010 – Вундт В. (1880) Основы физиологической психологии. М., 2010.
- Вундт 1896 – Вундт В. Очерк психологии. СПб., 1896.
- Гальперин 1998 – Гальперин П.Я. Психология как объективная наука. Воронеж, 1998.
- Гемпель 1949 – Hempel C.G. (1935) The Logical Analysis of Psychology // Feigl H., Sellars W. (eds.). Readings in Philosophical Analysis. N.Y., 1949.
- Гиппенрейтер 1978 – Гиппенрейтер Ю.Б. Движение человеческого глаза. М., 1978.
- Голдман 1985 – Goldman A. The relation between Epistemology and Psychology // Synthese. 1985. № 64.
- Гринсон 2003 – Гринсон Р.Р. Техника и практика психоанализа. М., 2003.
- Дильтей 1924 – Дильтей В. Описательная психология. М., 1924.
- Ждан 2005 – Ждан А.Н. История психологии. М., 2005.
- Кассирер 2004 – Кассирер Э. Психология и теория познания // Кассирер Э. Философия Просвещения. М., 2004.
- Конт 1925 – Конт О. (1848) Общие соображения о природе и значении положительной философии: в 2-х т. Т.2. М., 1925.
- Кох, Лири 1992 – Koch S., Leary D.E. (ed.) A Century of psychology as science. Washington, APA. 1992.
- Куайн 2008 – Quine W.V. (1969) Epistemology Naturalized // Sosa E., Kim J., Fantl J., McGrath M. (ed.). Epistemology: An Anthology. MA: Blackwell, 2008.
- Куайн 2010 – Куайн У. Заметки по теории референции // Куайн У. С точки зрения логики. М., 2010.
- Куш 1999 – Kusch M. Psychological Knowledge: A Social History and Philosophy. L&NY: Routledge, 1999.
- Куш 2002 – Куш М. Социология философского знания: конкретное исследование и защита // Логос. 2002. № 5–6.
- Лакатос (1973) 2003 – Лакатос И. История науки и её рациональные реконструкции // Лакатос И. Методология исследовательских программ. М., 2003.
- Левин 2001 – Левин К. Переход от аристотелевского к галилеевскому способу мышления в биологии и психологии // Левин К. Динамическая психология: Избранные труды. М., 2001.
- Лекторский 2001 – Лекторский В.А. Эпистемология классическая и неклассическая. М., 2001.
- Леонгард 1989 – Леонгард К. Акцентуированные личности. Киев, 1989.
- Леонтьев 2007 – Леонтьев Д.А. Неклассический вектор в современной психологии // Журавлев А.Л. (ред.) Теория и методология психологии: постнеклассическая перспектива. М., 2007.
- Лурия 1979 – Лурия А. Р. Маленькая книжка о большой памяти. М., 1986.
- Микешина 2007 – Микешина Л.А. Философско-методологические проблемы психологической науки // Миронова В.В. (ред.) Современные философские проблемы естественных, технических и социально-гуманитарных наук. М., 2007.
- Мэй 1983 – May R. The Discovery of Being: Writings in Existential Psychology. N.Y.: Norton, 1983.
- Наторп 2006 – Наторп П. Философия и психология // Наторп П. Избранные работы. М., 2006.

- Петренко 1997 – *Петренко В.Ф.* Основы психосемантики. Смоленск, 1997.
- Пиаже (1977) 1993 – *Пиаже Ж.* Генетическая эпистемология // Вопросы философии. 1993. № 5.
- Пиаже 1969 – *Пиаже Ж.* Избранные психологические труды. М., 1969.
- Пружинин 2009 – *Пружинин Б.И.* Ratio serviens? Контуры культурно-исторической эпистемологии. М., 2009.
- Риккерт 1913 – *Риккерт Г.* Суждения и процесс суждения // Логос. 1913. Кн. 3–4.
- Робинсон 2005 – *Робинсон Д.Н.* Интеллектуальная история психологии. М., 2005.
- Роджерс К. 1961 – *Rogers C.* Ellen West and Loneliness // Review of Existential Psychology and Psychiatry. 1961, vol.1, № 2.
- Роллс 2010 – *Роллс Дж.* Классические случаи в психологии. СПб., 2010.
- Розов 1995 – *Розов М.А.* Наука как традиция // *Стёпин В.С., Горохов В.Г., Розов М.А.* Философия науки и техники. М., 1995.
- Розов 2008 – *Розов М.А.* Теория социальных эстафет и проблемы эпистемологии. М., 2008.
- Смит 2008 – *Смит Р.* История психологии. М., 2008.
- Стёпин, Горохов, Розов 1995 – *Стёпин В.С., Горохов В.Г., Розов М.А.* Философия науки и техники. М., 1995.
- Титченер 1898 – *Титченер Э.Б.* Очерки психологии. СПб., 1898.
- Томэ, Кёхеле 1996 – *Томэ Х., Кёхеле Х.* Современный психоанализ. В 2-х т. М., 1996.
- Толмен 1938 – *Tolman E.C.* The determiners of behavior at a choice point // Psychological Review. 1938. № 45.
- Уотсон 1992 – *Уотсон Дж.* Бихевиоризм // *Гальперин П.Я.* (ред.) История психологии. М., 1992.
- Фрейд 2005 – *Фрейд З.* (1899) Толкование сновидений. М., 2005.
- Фрейд (1910) 2006 – *Фрейд З.* (1910) Воспоминания Леонардо да Винчи о раннем детстве. М., 2006.
- Фрейд (1928) 2009 – *Фрейд З.* (1928) Достоевский и отцеубийство // *Фрейд З.* Интерес к психоанализу. М., 2009.
- Фрейд 2007 – *Фрейд З.* Знаменитые случаи из практики. М., 2007.
- Фридман 1964 – *Friedman M.* Existential Psychotherapy and the Image of Man // Journal of Humanistic Psychology. 1964. Vol.4. № 2.
- Челпанов 1999 – *Челпанов Г.И.* Психология и теория познания // *Челпанов Г.И.* Психология. Философия. Образование. М., 1999.
- Штумпф (1891) 2005 – *Штумпф К.* (1891) Психология и теория познания // Логос. 2005. № 2 (47).
- Щедровицкий 2007 – *Щедровицкий Г.П.* (1981) Методологическая организация сферы психологии // Методология и история психологии. 2007. Т. 2. Вып.3.

Примечания

¹ Наше понимание референции отличается от такового в традиционной семантике (как отнесенность языковых выражений к предметной действительности [Куайн 2010]). Референция есть способ представления объекта исследования в знании (в некотором смысле это противоположная интеллектуальная операция). С учетом того, что знание мы рассматриваем не только как совокупность языковых выражений, но и как комплекс лингвистических и экстралингвистических эстафет, то и референция объединяет разные эстафеты (нередко именно экстралингвистические компоненты знания преобладают в референции).